

Раздел 4. Родительский опыт

Как зажигается свеча¹

С.А. Сошинский

Предисловие

Это история четырех лет жизни аутичного ребенка в нашей семье. Он родился в другом доме, его родители никогда от него не отказывались, но не смогли ему помочь. Моя жена предложила: может быть, у нас получится? У нас три внука такого же возраста как Андрюша, живут с нами. Сама Наташа (профессиональный и опытный биолог) последние двадцать лет, так или иначе, занималась детьми – и собственными, и внуками, и руководила чем-то вроде маленького детского сада прямо у нас дома. Опыт есть, можно было попробовать и с Андрюшей.

Я хочу рассказать, что удалось и что не удалось (по сегодняшний день) для него сделать. Борьба за Андрюшу не кончилась, но мы и в первый день его появления у нас не знали, можем ли мы ему помочь, не знали все четыре года, удастся ли следующий шаг в его развитии. Не знаем и сейчас, сможет ли он преодолеть трудности, с которыми сталкивается. Сможет ли он когда-нибудь войти в полноценную социальную жизнь? Или ему предстоит участь одного из тех, кто не справился с проблемами становления? Мы не можем знать ответа на этот вопрос.

Но прежде чем приступить к подробному рассказу об Андрюше, хочу рассказать о другом, более раннем случае моего соприкосновения с тяжело больными детьми. Для меня это как бы другое звено одной цепи, и то, что узнаю теперь из общения с Андрюшей, есть продолжение того, что узнал прежде из общения с теми больными детьми. Лет семь тому назад мне довелось год или два посещать психиатрический диспансер для детей с тяжелыми врожденными или рано приобретенными патологиями. Это были дети с гидроцефалией, микроцефалией, синдромом Дауна, ДЦП и т.д. В подавляющем большинстве от них отказались родители. Дети были практически не способны к интеллектуальному развитию, находились в состоянии глубокой идиотии, имели также и многие другие органические заболевания. При серьезном уходе они могли надеяться на некоторую минимальную перспективу, скорее, на адаптацию, чем на развитие. В большинстве случаев они не были способны произнести ни слова, а жизнь их была короткой.

И вот, глядя на них, я ясно понял, что душа и интеллект – совсем не одно и то же. Это были живые дети, у них была живая душа. Иногда она прямо светилась в их глазах. Одну девочку 13–14 лет звали Ирой, лицо и тело ее были изуродованы, дегенеративны, произнести она могла грубым голосом, как выкрик, только «мама» и почему-то «алибаба», а глаза ее были прекрасны, с нею можно было разговаривать глазами. Она нуждалась в общении, да и все эти дети катастрофически нуждались во внимании. От человеческого внимания, присутствия ласки они начинали физически расти, то есть буквально в длину (дети были лежащие, в лучшем случае ползающие, и всегда не по возрасту маленькие). Душа Иры светилась из ее глаз, и отсутствие интеллекта было уже не так важно для общения.

Еще одного мальчика звали Сашей. Ему было девять лет, но по величине он был как трехлетний. Кажется, у него была микроцефалия, а руки и ноги его были совершенно кривые. Мне объяснили, что его мать хотела избавиться от ребенка и туго перетягивала живот. От ребенка она не избавилась, но еще в утробе изуродовала ему руки и ноги. Саша не умел говорить ни слова, но глазами следил за происходящим в палате, и с ним можно было играть в простые игры вроде «ладушек». Он мог радоваться, улыбаться, смеяться.

¹ Опубликовано в № 3, 2004 г., С. 61–75.

Одна из ухаживавших за ним православных женщин однажды мне сказала: «Я часто думаю о его матери, где она, что с ней? Ведь где-то она есть и наверное уже давно забыла о Саше, а он вот, живет...² Я часто за ним наблюдаю. Иногда в его лице появляется что-то такое, что мне кажется: Саша видит ангелов...». Помолчав, добавила: «Мы ведь, по нашим грехам, еще неизвестно, где будем, а Матерь Божия с такими, как Саша...».

Я сделал это отступление, чтобы сказать: есть две мерки человеку, ребенку: одна земная, другая Божья, и они не совпадают. Интеллектуальная неполноценность, ущербность не означают ущербности ребенка в том втором, главном, смысле. Я возражаю тем, кто в ущербном ребенке видит только ущербность, думает: лучше бы он не родился вовсе. Эта позиция часто встречается даже и среди верующих. Размышления после посещения диспансера укрепили в мыслях о том, что у жизни есть другие измерения, помимо общеизвестных, и нам часто не хватает чуткости видеть эту сокрытую жизнь другого человека, взрослого или ребенка.

Все это имеет отношение и к Андрюше.

Итак, неправильно думать, что в воспитании все сводится к конкурсу способностей. Но также неправильно утверждать, что способности ничего или мало значат. Это очевидно: в болезни может проявиться внутреннее сияние души психически и интеллектуально обделенного человека. Но в норме человек, как и все в природе, призван к цветению и плодоношению и к тому, чтобы в этом процессе расти самому. Душа, в болезни не могущая быть услышанной, не пробившаяся к осмысленному выражению себя, – это несчастье более глубокое, чем физическая болезнь, паралич тела. Общаясь с Андрюшей, думая над вопросами, над которыми без него, наверное, никогда бы не задумался, я пришел к выводу, что больной ребенок знает о себе больше, чем может сказать, знает и тогда, когда не умеет сказать ничего. Он умеет различать свою жизнь, либо полную сил, либо опустошенную болезнью, и в этом последнем случае знает, что жизнь осталась как бы непроросшим зерном.

Бессловесные дети, как те же Ира или Саша, все равно некоторым образом знают о призвании своей жизни и о том, что произошла катастрофа. В больном ребенке достаточно глубины, чтобы знать о себе то, чего родители в них не подозревают, и что практически не проецируется на внешнюю жизнь или хотя бы на его же самосознание.

И это также относится и к Андрюше. Я думаю, что многое в его аутизме, когда он пришел к нам, было обусловлено сознанием неудачи. Но об этом позже.

Четыре года мы живем и занимаемся с Андрюшей, не зная будущего, не зная, удастся ли сделать следующий шаг в его развитии. Иногда казалось, что достигнут потолок, но затем потолок преодолевался, делался следующий шаг. Однако он всегда был не такой, как хотелось бы (исходя из мерок нормы). Это значит, что проблемы никогда не решались полностью, они тянулись и тянутся за Андрюшей месяцами и годами. Но проходит время, много времени, и состояние Андрюши оказывается совершенно другим, чем было прежде. И при этом, повторяюсь, ни одна проблема не была решена полностью. Возможно, это и есть «нормальное» развитие «особого» (больного) ребенка? Как говорят монахи о духовной жизни: «между страхом и надеждой» – между успехом и неудачей. Таково наше положение и сейчас.

Я хочу поделиться поисками и мыслями, не претендуя ни на их новизну, ни на безошибочность, а только на то, что они были реально прожиты как часть жизни и работы. Наша ситуация с Андрюшей сложилась интересно: мы упали в проблему неожиданно для себя, без специальной подготовки. Даже слово «аутизм» впервые услышали в связи с Андрюшей. Поэтому вынуждены были ощупью искать пути, и они не могли отчасти не повторять уже известные (хотя и не известные нам), а чем-то и отличаться от них. Это же касается и мыслей. Они затрагивали и частные моменты использованных нами педагогических методов и приемов, и более общие вопросы психологии больного ребенка. Лишь позже нам попалась

² Через два года Саша умер от воспаления легких.

литература, она уже практически не сказалась на работе с Андрюшей. Мне кажется, может быть интересен опыт – четыре года рядом с «особым» ребенком, его проблемы под микроскопом. И даже опыт «изобретения велосипедов» – поиска решений уже известных, иногда решенных в педагогике и психологии проблем. В самом деле, к каким выводам придут люди, берущиеся за те же проблемы, найдут ли они и те же ответы?

В завершение предисловия добавлю: многое в Андрюше мы не смогли своевременно увидеть из-за нашей неподготовленности. Мы не знали, на что обращать внимание, не представляли проблем следующего шага. Это плата за непрофессионализм.

Андрюша

Андрюша появился в нашем доме в декабре 1998 года. Его привели отец и тетя. Андрюше было четыре года и три месяца. Наши внуки увидели себе товарища и побежали навстречу. Но Андрюша их как бы не увидел и сквозь их строй прошел в комнату. В его лице не было видно патологии, напротив – красивый, умный мальчик. Только взгляд его было трудно уловить. И шел он, слегка подворачивая левую ногу, немного на цыпочках, и чуть наклоняя голову вперед и вбок.

Дети вновь подбежали. Он был словно старший среди них. Наперебой стали что-то говорить. И вновь их постигла неудача. Андрюша и не «увидел» их, и не «услышал». Он что-то доставал из кармана пальто, не обращая внимания на обращенную к нему речь. Потом, когда его раздели, он огляделся в незнакомой для себя квартире и стал обходить ее по периметру, внимательно исследуя стены, почти обнюхивая: точь-в-точь, как это делает животное, оказавшись впервые в новом месте. Мы с тревогой смотрели, не совершит ли Андрюша что-то, что сделает его присутствие в нашем доме среди маленьких детей невозможным.

Окончив осмотр квартиры, Андрюша заметил, что дети занялись пластиковыми ковриками. Коврики состояли из многих разноцветных вынимающихся деталей, которые в совокупности образовывали фигуры зверей, птиц и т. д. Имели эти звери и глаза в виде разноцветных круляшек. Они-то и заинтересовали Андрюшу. Он прошел мимо детей, сидевших на полу вокруг ковриков, подошел к коврикам, у всех животных и птиц ловко выковырял круляшки глаз и отправился с ними в угол коридора. Все это он проделал, как бы не видя детей, полностью их проигнорировав и молча. Дети возмутились, но мы сказали: он – гость, пусть его. Кроме того, он только кажется большим, как Женя. А на самом деле он маленький, как Катя (ей было в то время полтора.) Он не понимает. Поэтому и не играет – еще не умеет играть. Так родился спасительный обман о возрасте Андрюши, упростивший восприятие детей. Дети поняли – маленький. Претензий к Андрюше больше не было.

Андрюша сел в коридоре лицом в угол, ко всем спиной, и стал играть своей добычей. Игра состояла в том, что он по очереди брал круляшки, подносил их близко к глазам, разглядывал – и откладывал. Брал другую и вновь делал с ней то же самое. Так он сидел, не двигаясь, час, все время, пока женщины готовили обед.

Между тем тетя ребенка наставляла нас: он не пьет воды, не пьет чай, вообще ничего не пьет, кроме соков. Категорически не ест суп, может съесть котлету, но вообще-то он ест только йогурт, причем какой-то особый, немецкий, который можно купить в Москве в таком-то магазине в центре. Плохо обстоит дело с умыванием. От его мытья давно отказались. Последний раз силой вымыли месяца два назад. Он боится мытья до истерики. Но и не мыть, а просто умывать его трудно. Руки еще кое-как, а лицо невозможно. . .

Я пошел звать детей к столу. Позвал и Андрюшу. Он не шелохнулся. Я подошел, и позвал его еще раз. Он не мог не слышать, и он знал свое имя, но продолжал так же тихо заниматься своим делом. Посмотрит долго один кружок, добытый из пластикового коврика, повертит перед глазами и отложит, другой возьмет. Вдруг встал и пошел на кухню.

Дали суп. Действительно от супа он отказался, то есть замотал головой, замахал руками, завизжал, от стола отскочил, стал прыгать. Потом сказал «пить, пить», показал рукой на бутылку. Но налили ему не из бутылки, а чай. И вновь он замахал руками, запрлы-

гал – отказался. Йогурт все же выпил, котлету съел. И опять ушел в угол коридора кругляшки разглядывать. Сел лицом в стену, и уже долго не оборачивался.

Когда родные собрались уходить, оделись, стали прощаться (в шаге от Андрюши), он головы не повернул. Знал и слышал, но это его как бы не касалось. Ушли родные, – казалось, не заметил этого. И остался четырехлетний ребенок среди незнакомых людей в чужом доме, в который привели его впервые три часа назад.

Наконец Андрюша встал, опять начал рассматривать квартиру, вошел в комнату, в которой сын работал на компьютере, долго стоял, наблюдал – но в стороне, ни к кому не подходя, ни с кем не смешиваясь. Мы тихо приглядывались к нему. Лицо у него правильное, красивое, выражение лица умное, только немного неподвижное, слишком спокойное. О родителях он, казалось, так и не вспомнил.

Вдруг заметил Катю. Точно до того он ее и не видел. Ей было полтора, она неуклюже шла по коридору. Перед нею он был гигант. Он подошел к Кате сзади, с блаженной улыбкой захватил ее своей согнутой рукой под подбородком за горло, за шею и так потащил за голову по коридору, лицом кверху. Сам при этом улыбался своей слегка застывшей улыбкой, а Катя начала синеть. К счастью, мы были рядом, и пленница была освобождена.

Мы не увидели у Андрюши агрессии. Это было лишь внимание к Кате, она первая из нас удостоилась его. Наташе и мне надо было его внимания еще долго добиваться.

Две семьи

Андрюша родился в семье, второй и для отца, и для матери. От первого брака у матери двое детей, один из которых имеет неизвестные мне проблемы психического порядка. У отца от первого брака – здоровая дочь. Отец – математик, автор нескольких книг. Мать в настоящее время домохозяйка. Оба вероисповедания православного, венчаны. Кроме Андрюши в семье еще двое детей от этого же брака, Марина и Толя, оба моложе Андрюши.

Андрюша – старший из детей от этого брака. Только после рождения еще двух детей, Марины и Толи, стало ясно, что у Андрюши серьезные проблемы развития. К трем годам он так и не заговорил, перестал приобретать новые знания и умения, появились странности в поведении, фобии, гиперконсервативные привычки, стереотипии.

Вот как описывает Андрюшу друг его отца, профессор РГГУ, видевший его весной 1998 года, когда ребенку было 3,5 года.

«Это было ужасное, тягостное зрелище. Любог ребенок, любое живое существо, муравей знает, зачем существует. Андрюша не знал, тяготился собой, не понимал, что с собой делать. Слонялся без цели из угла в угол, не играл. Было видно, что сам себе он дико скучен. Мне было страшно видеть такого ребенка. Андрюша закрывал и открывал двери, куда-то без цели лез, потом шел к взрослому, требовал, чтобы ему дали что-нибудь вкусное (единственная цель жизни), постоянно ныл. Выведенный из себя отец говорил: «Ты что, шлепки хочешь?» Андрюша ненадолго отставал, потом все возобновлялось. Это мое впечатление было настолько ярким, что я часто говорил о нем своим студентам. Развитие ребенка состоит из многих звеньев, выпадение любого из них разрушает всю цепочку».

В литературе, как видно из предыдущей главы, встречаются три гипотезы о факторах, способствующих развитию аутизма. И все три влияли на Андрюшино развитие.

Первое – неблагоприятная наследственность, возможно, полученная Андрюшей по материнской линии. Об этом свидетельствует уже упомянутый сводный старший брат, именуемый психологические или психиатрические проблемы и живущий отдельно от семьи.

Второе – травма, полученная Андрюшей на последнем этапе внутриутробного развития. Пуповина обвилась вокруг его шеи, и в последний месяц, по мнению врачей, его мозг получал недостаточное питание. После рождения, казалось, это выровнялось. Но в три года Андрюша не говорил.

Третья причина, которая не могла не сказаться, – особенности его матери, которая не умела, и кажется, до сих пор не научилась общаться с собственными детьми. Те, кто бы-

вал в их доме, говорят об идеальном порядке, который поддерживается усилиями матери. Аккуратность, чистота возведены в жизненный принцип. Нарушение порядка воспринимается как трагедия. Мать образцово выполняла и обязанности по уходу за детьми: кормила, мыла, меняла памперсы... Но она с ними не разговаривала, не общалась! То есть не разговаривала и не общалась в том смысле, в каком только мать может разговаривать со своим ребенком. Мать вводит ребенка в мир соучастия и сопереживания, резонанса душ, на энергии которого позже основывается все познание и обучение ребенка взрослыми. Вот этого-то единства души матери с душой ребенка, продолжающегося и после обрыва пуповины, не было в жизни Андрюши. Было так: мать молча покормила, сменила пеленки, вышла из комнаты. Ребенок оставался один, к нему больше не подходили. Вечером мать переодевала его, умывала, отправляла в постель, – *молча!* И так ребенок жил при матери – в изоляции, в дефиците общения. Мать по-своему любила сына, но не знала, что значит общаться с ним. Во время пребывания родителей в Москве я видел сам, как она терлась, робела, оставаясь со своими детьми наедине. Кажется, она сама получила воспитание в семье, где были сходные проблемы, и это как бы перешло по наследству.

Таким образом, и генетика Андрюши, и проблемы внутриутробного развития, и дефицит общения в своей родной семье – все могло способствовать развитию у него аутизма.

Андрюше было три года, когда ему поставили диагноз РДА. Причиной обращения к врачу явилось отсутствие речи. Андрюша так и не заговорил, за исключением нескольких невнятных слов. Кроме отсутствия речи, было и отсутствие понимания, и невозможность общения. В три с половиной года Андрюша писался днем, не умел одеваться, например, просто надеть штаны, а в четыре, когда я его впервые увидел, отец тщетно добивался от него: «Дай маленькую ложку! Дай большую».

От нас кое-что скрыли. У меня сложилось впечатление, что до двух лет какое-то развитие ребенка происходило, возможно, появлялись отдельные слова, которые позже ушли из употребления. Возможно, было какое-то общение с отцом. Во всяком случае, он однажды бросил фразу, что когда-то чувствовал сына, и все ждал, что тот вот-вот заговорит, и тогда с ним можно будет заниматься, как это понимал отец: рассказывать, читать книги... Но ребенок не заговорил и стал утрачивать даже те навыки, которые имел. Через четыре года на кафедре детской психиатрии Академии медицинских наук мне скажут, что у Андрюши «провалены» все психические функции «нижнего этажа», первых двух лет жизни.

Все о жизни Андрюши в родной семье – мои предположения. Но у меня сложилось в голове примерно так.

От трех до четырех Андрюшу, несомненно, лечили – но как и что давали? Нам неизвестно. Андрюша понимал слово «лекарство» и дисциплинированно его у нас ел. Он легко глотал даже большую капсулу, которую не всегда может проглотить взрослый. Очевидно, он долго тренировался. С ним также пытались заниматься, развивать его, с этой целью водили к какой-то пожилой женщине-педагогу. Но все это было тщетно. С трех до четырех лет Андрюша не только не развивался, но утрачивал и те навыки, которые имел прежде.

К ужасу отца, проблемы возникли и у младших детей. Они отставали в развитии и явно пытались копировать Андрюшу, в том числе его поступки и ужимки. Правда, врачи не находили у них отклонений, может быть, некоторая задержка развития. (Действительно, позже дети выровнялись.) Наконец, отец не выдержал и отвез Андрюшу в Москву к своей сестре, художнику-иконописцу: пусть разберется, все-таки живет в столице. И от младших детей подальше, чтобы не перенимали ужимки. Тетя взяла Андрюшу, начала с ним заниматься, но тяжело и длительно заболела ее дочь, студентка МГУ. Тогда-то Наташа, моя жена, и предложила мне взять Андрюшу к нам.

Наша семья на тот момент состояла из восьми человек: мы с женой, два сына, старший был женат, от него три внука – все жили вместе. С детьми (внуками) было удивительное совпадение: они по возрастам оказались строго синхронны трем детям Андрюшиных роди-

телей. Андрюша родился 4 сентября 1994 года, а наш внук Женя – 21 сентября. Андрюшина сестра Марина родилась 11 января 1996 года, а наша Лена – 12 января. И Катя родилась с разницей в месяц сравнительно с Толей, младшим братом Андрюши. Так, выйдя из своей семьи, он оказался у нас в среде точно таких же по возрасту детей. И в то же время, что очень важно, в совершенно другой ситуации, в другом климате, в другой психологической среде. Здесь ему предстояло сделать, уже не по его воле, еще одну попытку осуществиться.

Рассказ о нашей семье не будет полон, если не рассказать об одном эпизоде двумя годами раньше.

Эпизод с Леной

В жизни нашей внучки Лены за два года до появления у нас Андрюши был эпизод, который, может быть, имеет к нему прямое отношение. В октябре 1996 года, когда Лена достигла 10-ти месяцев, уже вставала и активно двигалась в пределах комнаты, Наташа тревожно сказала мне, что с Леной, по ее мнению, не все в порядке. Лена не выходит на общение. Ее можно позвать, она знает свое имя и сама может позвать, если это ей надо. Но контакта не возникает. Взрослому не удастся удержать Ленино внимание. «Я сказала о своей тревоге родителям³, но они только посмеялись», – сказала она.

Мы пошли в детскую, Лена ползала по полу среди игрушек. Иногда вставала и перемещалась в другой угол комнаты. Наташа позвала Лену. Та скользнула взглядом и вернулась к своему занятию. Наташа, затем и я попытались привлечь Ленино внимание к себе. Действительно, внимание Лены ускользало. Мы брали ее на руки, показывали различные предметы, качали ее – но она как-то отстранялась и тотчас направлялась к своему занятию, к выбранной игрушке. Она упорно не вступала во взаимное общение.

На следующий день к нашим занятиям с Леной присоединился Наташин брат. Наташе удалось нас убедить в странном характере поведения Лены. Я не помню подробности, я не знал, что спустя два года это вновь нас коснется. Порядка двух недель или месяца мы, трое взрослых, не могли «раскрыть» Лену, добиться ее внимания к нам, а не к предметам ее детских игр. Наконец, Лена стала «поддаваться», на секунды выходя с нами на контакт. Секунды превратились в минуты, потом в часы. Странное состояние было преодолено.

Однако Наташа утверждала весь следующий год, что следы состояния Лены регулярно давали о себе знать. Со временем Лена превратилась в общительную и даже чрезмерно разговорчивую девочку, ласковую, но и легкую на слезы. Однако Наташа и до сих пор утверждает, что нет-нет, да и замечает в Лене трудно анализируемые умом, но фиксируемые интуицией следы миновавшего кризиса. Они проявляются не замкнутостью, не интеллектуальными проблемами, а несбалансированностью ребенка. То элементами расторможенности или чрезмерной разговорчивости, то плаксивостью решительно без повода, то – нескладными движениями, то – приверженностью к мелким предметам, которые она перебирает в руках. Или – неспособностью Лены просто спокойно сидеть или стоять, необходимостью постоянно вертеть в руках свой локон, перебирать платье и делать много других подобных движений.

Что стало бы с Леной, если бы ей не помогли? Растворилась бы сама собой ее странность или окрепла бы и сделалась постоянным качеством? Не угрожала ли Лене судьба ребенка-аутиста? Что вообще с нею происходило в тот момент? Я не могу ответить на эти вопросы.

Жизнь состоит из ступеней, которые нам, старым или молодым, полагается преодолевать. Это – условие жизненной нормы. Во время Ленинского кризиса возник образ, что к своим десяти месяцам Лена тоже оказалась перед какой-то ступенью становления и развития и не могла осилить ступень сама. Помощь была своевременной, барьер был преодолен, нормальное развитие возобновилось. Но, может быть, могло быть иначе? Мы не знали тогда, как называется это «иначе». Слово пришло вместе с Андрюшей.

³ То есть нашему сыну с женой.

После опыта с ним этот образ «барьера развития», или «ступени» мне представляется еще более основательным.

Первые наблюдения

(Рассказывает Наташа, аудиозапись января 1999 года).

Первые впечатления от Андрюши у меня были как от некоторого «маугли». Впервые увидела его в доме у Оли, его тети, в середине ноября 1998 года. Ему было 4 года 2 месяца. Он произвел странное впечатление. Физически нормально развитый ребенок ходил по коридору несколько боком, закинув влево голову и на цыпочках. Руки держал скованно, в кулачках, прижатых близко к плечам. Вдруг делал странные прыжки и ловко, одним прыжком, вскарабкивался на окно. Окно было открыто, и Оля боялась, что он может вывалиться.

Мне показали, что он способен различать масти карт. Он доставал карту нужной масти.

Потом Андрюше дали бутерброд, и когда он ел, то оскаливал зубы и морщил нос, как это делают собаки, когда сердятся, но не хотят укусить. Я обратила внимание, что ребенок не смотрит в глаза, взгляд отрешенный и какой-то стеклянный. Взгляд где-то в глубине, но не глупый и не безумный. Лицо спокойное, неискаженное, при простом взгляде оно не производило впечатления больного. Нормальное, симпатичное и даже, я бы сказала, интеллигентное лицо.

Позже, уже когда он был у нас дома, я заметила многое другое. Например, он **никогда не плакал**, а если ему что-нибудь не нравилось, то истошно орал, широко развывая рот и оскаливая зубы. При этом он как бы плясал, сжимая руки в кулачки, дергал ими и бежал в конец коридора. Там он орал в голос. Это делал почти всегда только из-за еды, если ему «давали не то». Все остальное ему было безразлично. И это был именно ор, плакать Андрюша не умел. Через несколько дней я спросила его отца: видел ли он когда-нибудь у Андрюши слезы? Он ответил: «Нет, не видел».

Оля предупредила, что Андрюшу днем не укладывают спать, потому что он все равно не спит днем, а потом не спит еще и ночью. В первый день я так и поступила. К вечеру я заметила, что он стал валяться по квартире и лазить под все диваны. Я не могла понять, что это значит. На второй день я для пробы все же уложила его днем. Хотя он не спал, но вечером не валялся на полу. Значит, он просто к вечеру уставал и начинал искать себе убежище. Он старался залезть куда-нибудь под стол, где поуютней, и устраивал себе типа конуры.

С тех пор я решила его укладывать днем спать. Он не хотел, сопротивлялся, дрыгал руками и ногами. Я долго сидела с ним, удерживала. Руки его были сжаты в кулачки, и я решила, что у него какая-то внутренняя скованность. Я говорила ему ласковые слова, старалась погладить, приласкать – он отпихивал и отшвыривал меня, царапался. Я все равно силой сажала его к себе на колени, прижимала и много говорила ему ласкового, хорошего⁴.

Это длилось долго. Наконец, он затихал, переставал буйствовать и как-то прижимался ко мне. Потом я его клала в постель, он опять дрыгал ногами и опять орал. Я его заставляла лежать и массировала руки. С силой разжимала кулачки и играла какие-нибудь ладушки. Он был уже в горизонтальном положении. Потом: «Шу, полетели...» – здесь берешь руку, и она начинает расслабляться. Трясешь рукой, – а потом: «На головку сели». Эта игра «для самых маленьких» – все, что можно было делать. Эти движения я повторяла много-много раз, чтобы как-то расслабить руки.

⁴ Позже мы узнали, что этот прием **насильственного** удержания в телесном контакте и ласке действительно рекомендуется в работе с детьми-аутистами, и имеет специальное название **холдинга**. Также рекомендуется и работа с руками ребенка. Руки влияют на речевые центры и на общее психологическое состояние. В дальнейшем, во время занятий по развитию речи и мышления, нам приходилось время от времени массировать руки Андрюши. Это помогало успеху урока. Видно, что и холдинг, и массаж рук возникли не как какое-то изобретение, но очень естественно, хотя в дальнейшем использовались как специальные приемы.

Меня предупредили, что у Андрюши «водобоязнь». Действительно, воды он боялся. Но после того как я показала ему умывание остальных детей, он дал вымыть свой «нижний этаж», вымыл и руки, судорожно, однако без крика. Лицо же не давал мыть вообще, вопил, убежал, дрыгал руками и ногами. Убежал он из ванной на цыпочках.

Первые дни выйти на контакт не удавалось вообще. На ласку не отзывался. Если ему что-то не нравилось, оскаливал зубы и старался укусить. В первые дни я на контакте и не настаивала, наблюдала, не агрессивен ли? Может ли жить рядом с детьми? Агрессия в нем присутствовала, но скрытая. Проявлялась, когда чем-нибудь был недоволен. Например, у Вани сессия, он говорит Андрюше: «Выйди из комнаты и закрой дверь». Тогда Андрюша кидает в него железную ручку от двери. Однажды, когда Лена плакала, и это Андрюше надоело, он засунул ей кулак в рот. За этим приходилось следить.

Я заметила, что он плохо обращается с нашим ирландским терьером. Он обнимал Айду со спины за талию, и в то же время щипал за живот. Теперь мне стало понятно, почему он пришел к нам от Оли весь исцарапанный кошками и укушенный собакой. Мне пришлось запретить ему общение с Айдой, и это удалось. Андрюша общался с животными, потому что не умел общаться с людьми. Одно замешало другое.

Еще он любил пассивные позы. Встанет на полу на колени, сядет на пятки, носом в стену, чтобы никого не видеть, и застывает. Может быть, в это время разглядывает набранные им в кулак детали от детских игрушек. Нравились ему мелкие игрушки, вернее, детали от игрушек или от конструктора, которые он никак не использовал, а подолгу перекалывал из руки в руку.

Когда мы гуляли, трое внуков и Андрюша, он не хотел, как другие дети, кататься на ледянке с маленькой горки. Все катаются, я его сажаю, он упирается: боится или не знает, или не хочет. Потом отошел в сторону и всю прогулку простоял носом к дереву.

Чаще всего на этих первых прогулках он был не с детьми и не рядом, а отходил метров на 50–100 в сторону и бродил один по глубокому снегу или стоял спиной к нам, неизвестно чем занят. На санках тоже не сидел, обмякал как мешок, голову свешивал на бок, руки-ноги висят, волочатся по снегу. Все в нем – пассивность, обмяклость. А, между прочим, физически он был сильнее и выносливее других наших детей.

Первые дни впечатление было самое угнетающее. Я совершенно не была уверена, что что-то удастся сделать, что Андрюша как-то продвинется.

Речи у Андрюши почти не было. Все человеческие звуки он произносил очень тихо, плохо и невнятно. Можно было понять «сломато», «упала», «ничего нет» или просто «нет», – то есть чаще всего негативные, отрицательные слова.

У него большая потребность в еде, это, пожалуй, его единственная страсть, единственный смысл жизни. И когда он приходил в кухню, а на плите готовилась еда, он невнятно, но многократно и зациклено долго повторял одно и то же: «Еще не готово... Еще не готово... Еще не готово». Вероятно, это даже не его фраза, а то, что он слышал и запомнил без понимания. Но все это были едва уловимые и неясные звуки.

Начальное состояние

Задача этой главы – дать более последовательное и полное описание начального состояния Андрюши, чем это было сделано до сих пор.

Мимика. Лицо Андрюши обычно было правильное, без видимой патологии. Более того, есть фотографии, на которых выражение его лица многие находят вдохновенным. Однако оно было малоподвижным, могло показаться, что оно невозмутимо. Взгляд его уловить было трудно, на «вдохновенных» фотографиях он смотрит вдали, а не на предмет.

За столом Андрюша, безучастный ко всему, что происходило вокруг, ел свою порцию, всецело этим поглощенный. Дети рядом шалили, происходили детские мимические и событийные сцены (кто-то влез локтем в чужую тарелку, уронил стакан, заплакал, что-то не поделили, смеются). Андрюша ни на что не реагировал, его внимание

было в его тарелке. (Полторалетняя Катя, не умевшая говорить, глазами и мимикой бывала везде и со всеми.)

Порой лицо Андрюши искажалось – чаще для вопля, страха, иногда хохота, иногда оскала. В крайних выражениях душевной жизни всегда не хватает полутонов, которые только и являют ее равновесие и богатство. Глаза Андрюши не были безжизненными, в них были искорки чувства и мысли, но всегда «в себе», скорее, потенциал, чем реализации.

Отсутствие интересов. Если интересы у Андрюши и были, то они были спрятаны. Казалось, у него нет интересов, во всяком случае, **ни к чему содержательному.** Спустя полгода подвели к лошади, – он как бы не заметил лошадь, показали ежа – едва взглянул. Трактор, подъемный кран, машины не интересовали. Через год я купил ему детскую машинку, он повертел ее в руках, поставил на тротуар и ушел: ему нечего было с ней делать. Он был не просто безразличен ко всему, что имело содержание и смысл, но отталкивал, отрицал, избегал всего содержательного⁵. Так, он избегал всякого объяснения и всякого понимания. Избегал разглядывать картинки. Вообще избегал всего, что сосредотачивало и собирало личность, что имело цель и энергию.

С этим связана еще одна черта: Андрюша **не имел поисковой активности.** Наташа говорит об этом так: «У него не было инстинкта познания, который есть уже у слепых котят. Котенок еще стоять не может, но уже ползет от сиськи к краю подстилки. Ему интересно: а что там за краем, хотя бы еще на шаг. Он тыкается носом, лапкой пробует, а потом скулит, зовет мать, – заблудился. И развиваются лучше именно те котят, которые интересуются, а что там, за пределами подстилки. А те, которые лежат у брюха матери, развиваются медленнее. И вот, – я так понимаю Андрюшино состояние, – по каким-то причинам рождаются дети без этого основного инстинкта жизни любого живого существа – без инстинкта познания».

Можно в первом приближении сказать, что интерес Андрюши состоял в избегании всякого интереса и целеполагания.

Но то, что оставалось за вычетом человеческой социальной жизни и детского познания мира, – это Андрюше было свойственно. Он мог в минуты радостного возбуждения с визгом и хохотом бегать по коридору, прыгать. Так встретил он меня, когда я первый раз приехал к ним. Он с визгом и хохотом пробежал мимо куда-то на лестницу, возможно, так приветствуя гостя. Сходно встретил свою тетю, когда она впервые приехала навестить его у нас.

Ключевое место в интересах Андрюши занимала еда (вообще удовольствия, связанные с телом). Когда ему давали печенье, сок, конфету, он порой трясся от восторга. Он не хватал, не уминал мгновенно то, что дали, а кружился над ним, как коршун над добычей или влюбленный перед объектом своей любви. Он устраивал из еды священнодействие и в то же время игру. Он «выклевывал» кусочки из того, что ему дали, начиная с наименее вкусного, самое-самое оставлял под конец. Ел своеобразно. Бутерброд мог есть не с конца, а с плоскости, проезая в нем отверстие. Ел строго выборочно. Что из еды принимал, то вызывало восторг и праздник, что не принимал – визг, вой, «пляску» протеста, залезание под стол, убежание из-за стола в конец коридора или в ванную. И до сих пор еда составляет одно из сильнейших увлечений. Здесь разумны лишь умеренные запреты (отделения от еды обстановки апофеоза и предложение есть не выборочно, а все подряд). Только развитие других человеческих ценностей может обуздать эту прожорливость.

Страсть к еде, я думаю, компенсаторна. И взрослый, если не может себя реализовать в жизни и в деле, часто ест чрезмерно, заглушая этим неудовлетворенность. Обжорство в норме не характерно ни для людей, ни для животных и свидетельствует о глубокой неудовлетворенности жизнью. Но эта страсть сослужила в жизни Андрюши и добрую службу – стала нашим орудием влияния на него. Часто не было другого способа заставить его работать, кроме приманки вкусной едой.

⁵ Я говорю о типичном. Могли быть моменты другого поведения.

Речь. Словарный запас Андрюши на момент его появления у нас составлял, вероятно, 20-30 слов: «сахар», «хлеб», «сок», «пить», «сыпь», «дай», «еще», «все», «Ники» (это о себе), «луна» – вместе с уже перечисленными раньше негативными блоками («ничего нет», «все сломато», «еще не готово»). Он мог сказать «папа», но долго не говорил «мама». (Папа был важнее.) Еще какое-то количество слов Андрюша мог понять, но сам не использовал.

Его речь была почти всегда узко функциональная, касалась еды или других однозначных реальностей. Их легко заменял жест. Жестами Андрюша требовал еду, воду или отвергал то, что предлагалось. Жесты делали речь ненужной, и к ней он прибегал, лишь поскольку не все можно требовать жестами.

Речь была «директивной». Андрюша понимал только прямые указания и то, что сам говорил, тоже было командами. (Например, «сахар» означало не предмет сахар, а требование дать сахар.) Кроме команд использовал речевые штампы как знаки ситуаций. («Ничего нет», «все сломато», «еще не готово» были нерасчленимыми речевыми штампами, иногда применяемыми без видимого повода.) Иногда он на каком-нибудь слове «застревал» и произносил его 5–10–50 раз подряд.

Было несколько слов, не имевших ни значения команд, ни характера речевых штампов. Обычно они означали реальности, не имевшие никакого практического значения, но производившие на Андрюшу большое эмоциональное впечатление. Например, слово «Луна» Андрюша мог уместно употребить. Вообще небесные реальности, которые можно лишь созерцать, но с которыми ровно ничего нельзя делать, всегда имели для Андрюши необъяснимо важное значение.

Говорил Андрюша редко, обычно вынужденно, функционально – когда хотел что-то от нас получить. Речи-общения не было. Слова произносил невнятно, тихо, с «умирающей» интонацией, угасавшей к концу слова, произносил без энергии и неестественно высоким голосом.

Но иногда Андрюша мог начать говорить что-то сам по себе или сам себе – целый поток, в котором нельзя было понять ни слова. Это были звуки на уровне, близком к слоговому лепету младенца. Возможно, это было звучание ради звучания, без всякого смысла. Андрюша ни к кому не обращался, говорил себе. В других случаях он «застревал» на каком-нибудь штампе или слове, повторяя его без конца.

Для нас долго оставалась загадкой невнятность произношения Андрюшей слов, когда речь шла именно о словах, а не о «потоке». Наконец заметили, что он говорит, почти не шевеля губами и языком и едва открывая рот. Только после этого был найден прием работы над речью. Он состоял в требовании беззвучно повторять нашу беззвучную мимику.

Позже, когда Андрюша стал реагировать на обращенный к нему вопрос, часто его «ответом» было лишь эхολалическое повторение за нами, причем даже не последнего слова, а **слога** обращенного к нему вопроса.

Тем не менее, нельзя сказать, что Андрюша не понимал обращенной к нему речи. Если она состояла в требовании сделать что-то простое, например, сесть за стол, или дать детям конфету (это – не сразу) – он мог это понять. Другое дело, согласен ли он был это исполнить.

Общение. Обычно Андрюша ни с кем не общался. В нем не было резкого отрицания людей, но не было и точек соприкосновения, он общаться не умел и не хотел. Было безразличие. Казалось, кроме двух-трех человек, все были для него буквально на одно лицо. Говоришь (спустя три месяца): «передай конфету Лене» – он отдает ее Кате, Наташе, мне, кто подвернется первым. Придет ли кто, уйдет – ему безразлично. Сам обращался к нам лишь по необходимости и чаще всего, чтобы получить еду. Активно избегал прямого и тесного контакта, особенно с детьми. Если его принуждали (например, участвовать в хороводе) – убегал, хотя бы на четвереньках. Если не удавалось убежать, то полностью расслаблял тело, делался как «ватный», «заваливающийся», «растекающийся», сползал на пол и выл, таким образом выпадая из ситуации.

Но Андрюша любил находиться «в поле детей», на периферии их пространства. Они играют в комнате, и он там же, но сам по себе и спиной к ним.

Иногда мог вдруг, на мгновение, проявить заинтересованность, выйти на контакт, чтобы тотчас выпасть из контакта. Однажды за конфету все дети должны были выполнять какие-то речевые задания. Была Катина очередь, она что-то ответила, но не очень хорошо и Наташа требовали повторить. Катя же считала, что «все сделала», и тянулась открытым ртом к конфете в Наташиной руке. Наташа медлила. Вдруг Андрюша, сидевший рядом, схватил руку с конфетой и резко наклонил ее Кате в рот.

Это было в первые две недели его пребывания у нас.

Страхи. Андрюша производил впечатление спокойного ребенка, но страхи у него были, и их было много. Я могу допустить, что они подспудно на него давили, и это выражалось напряжением рук. И все же, видимо, его многочисленные фобии носили локальный характер и не составляли постоянный фон. «Среднее состояние» казалось спокойным. Трудно, однако, сказать, что происходило в глубине. Психический мир Андрюши был глубже и обширнее видимого с поверхности.

Андрюша панически боялся метро. Он чувствовал его еще метров за 100, и с ним начиналась истерика до иступления. Поэтому отец возил его только на автомашине. Андрюша боялся лифта. На любой этаж можно было идти только пешком. Боялся замкнутых пространств, закрытых дверей. Однажды, через год его пребывания у нас, он спокойно сидел на коленях Наташи в актовом зале Жениного детского сада. Выступали дети, зал был полон родителей. Далеко по диагонали зала была открытая входная дверь, через которую кто-то все время входил и выходил. Но вот эту удаленную дверь закрыли, и Андрюша начал кричать.

Андрюша боялся непонятных шумов бытового происхождения. Где-то загудели трубы. На три этажа выше кто-то стал сверлить стену. На другом конце двора хлопнула крышка мусорного бака. Все это отражалось криком. Он боялся дождя, тучи, молнии, грозы зевоты. (Зато мог заворуженно следить за луной). Боялся идти по незнакомой дороге: срабатывали стереотипы – ходить только старой дорогой. Шаг влево, шаг вправо – истерика. Боялся некоторых цветовых сочетаний: не хотел ехать на автобусе «не того» цвета. Боялся умывания, особенно – умывания лица. Было ли последнее связано с каким-то болезненным ощущением им своего «Я», как бы проецируемого на его лицо? Не знаю.

Были еще два характерных для Андрюши страха.

Первый выразился непроизвольным мимическим жестом, вероятно, связанным с темой подспудных страхов. Это происходило совершенно неожиданно. При малом, безобидном движении кого-то из находящихся рядом, например, при протянутой руке, чтобы погладить его или просто что-то взять со стола возле него, Андрюшу, вдруг всего передергивало от страха. Руки инстинктивно-утробно взлетали над головой жестом защиты: загородиться. Это инстинктивное, судорожно-беспомощное движение Наташе напоминало тот жест, которым в известном документальном фильме, использующем внутриутробные съемки, abortируемый плод-младенец пытается защититься от приближающихся к нему инструментов.

Наконец, в некоторых ситуациях, когда вблизи Андрюши был с его точки зрения, какой-то опасный фактор (например, высота, река, и пр.) – он отчаянно боялся всякого приближающегося человека, особенно взрослого. Дети в виду опасности ищут у взрослых защиты. У Андрюши было строго обратное. На берегу реки (в 1999-м, 2000-м годах) к нему нельзя было близко подойти. Андрюша начинал кричать и убегал на 100 метров в сторону.

Человек был для него дополнительной угрозой, зоной непредсказуемого и неконтролируемого. Человек свободен, то есть свободен поступать так, как хочет. Как можно знать, что придет ему в голову? Страх Андрюши был связан с непониманием человека, с **отсутствием сопереживания**, эмпатии, взаимности. Андрюша, по-видимому, не знал, что любящему человеку можно довериться больше, чем механической устойчиво-

сти мира, чем непоколебимому стереотипу жизни. Страх показывал, что в его мире его Я играло абсолютно доминирующую роль: есть Я, а все другие – лишь внешние факторы мира. Никто из людей не являлся внутренней реальностью Андрюши, и их поведение было непредсказуемо и заключало в себе угрозу.

Но Я, не знающее «других», не может быть личностью. Оно остается какой-то безликой субъективной стихией, в которой нет ничего устойчивого, нет содержания, живет в кажущемся мире.

Может быть, Андрюша не мог воспринять сложный мир людей, может быть, не хотел его воспринять или не мог и не хотел вместе, – но не случайно первый (неверный, конечно, отброшенный) образ, который возник у Наташи: у Андрюши нет души. (Вспомним, как безучастно он отнесся к уходу родных, оставивших его в нашем, неизвестном ему, доме. И он, казалось, не вспоминал их. То же было в отношении нас самих. Создавалось впечатление, что все вокруг были ему глубоко безразличны, как бы нерезальны). Мальчик без души – это был первый образ, сразу, правда, отвергнутый. Следующим был образ Кая из «Снежной королевы», у которого замерзло сердце. Беда Андрюши как-то была связана с тем, что в его мире он был абсолютной доминантой, а весь человеческий мир представлялся вроде тени.

Не зная людей, Андрюша их боялся, как некоторые взрослые и дети, не имевшие дело с собаками, не знают, чего ждать от собак в следующее мгновение, и боятся их. Андрюша не знал, чего ждать от нас и от своих родителей. В воде он стал осторожно доверять мне себя лишь в 2001-м году и более спокойно – в 2002-м. Кажется (и дай Бог, чтобы так и было), эта проблема постепенно исчезает.

Игры. Играть с детьми Андрюша не умел. И как играть, если не умеешь говорить, не понимаешь социальных ролей, не понимаешь мимического языка и сам его не имеешь? И чужды ему были игры детей, их резвость, их дух соревнования и дух общения, дух узнавания и научения, которые всегда есть в детских играх. Играл Андрюша одиноко, сам в себе. Ни строить из кубиков или лего, ни рисовать не умел. Игра его состояла в разглядывании изолированных мелких деталей, нефункциональных частей игрушек или других вещей. За год до приезда к нам, как говорили, он мог выстроить цепочку из деталей лего в один ряд. Строить что-либо другое не умел никогда. К времени появления у нас шел активный процесс свертывания навыков, деградация, уход в пустоту, речь сужалась, навыки выпадали. Цепочек из лего уже давно не строил, а только разглядывал детали.

Родители подарили ему электрическую игрушку. Нажатием кнопки она приходила в движение, вращалась, мигала, звучала музыка. Эта игрушка требовала навыка нажатия кнопки – и все.

Что еще делал Андрюша? Часами мог открывать и закрывать дверь, зажигать и гасить свет. Любил залезть куда-нибудь высоко, на шкаф, подоконник и сидеть, что-то созерцая на стене. Мог часами смотреть в окно, но я не знаю, что он там видел. Возможно, изменение декорации: прошел человек, проехала автомашина, проплыло облако, изменилась световая и цветовая гамма дня. И тогда и теперь он первый замечает любые изменения этого далекого фона. Как если бы он и был ближайшим планом его мира: не комната, в которой он находится, не люди в ней, не то, что здесь происходит – а облака за стенами, луна, звезды, вдали летящий самолет.

Стремление к однообразию. Это была доминирующая черта Андрюши, до сих пор ощущаемая. Отец жаловался, что Андрюша гуляет в одном и том же месте, ходит только по одной и той же дороге. Попытка изменить маршрут ведет к истерике. Андрюша любил также есть одну и ту же еду, спать в одном и том же месте, на одной и той же постели. Однообразие распространялось и на одежду. Он протестовал, если на него пытались надеть новую рубашку или куртку. Оно распространялось на игры. Игры его сами по себе сплошное однообразие (тысячу раз открыть и закрыть дверь!), но попытка привлечь его внимание к чему-либо вне избранного им круга занятий встречала стойкий протест.

В частности, он отвергал разглядывание картинок.

Картинки. На момент приезда и спустя долгое время Андрюша не понимал рисунков, во всяком случае, не понимал никаких изображений живого. Понимал цвет и форму, но не изображение. Может быть, в виде исключения, он был способен узнать на рисунке солнце, луну, месяц – эти поражающие его реальности бытия. Возможно, он мог узнать несколько важных для него неживых предметов – нарисованную тарелку с едой, ложку, стул... Во всяком случае, их он стал узнавать первыми (спустя несколько месяцев пребывания у нас). Но и год, и полтора спустя, когда уже можно было спрашивать его: «Что это?» – он мог, как попало, совершенно непредсказуемо, называть имена изображенных животных или людей, независимо от реалистичности или условности изображения. В сказке «Три поросенка» об одной и той же фигуре поросенка он мог подряд сказать разное: «девочка», «мышка», «щипленок». (Именно так было через год его пребывания у нас). Очевидно, слова никак не сопрягались с образами, особенно одушевленными. И в жизни, обладая хорошей топографической памятью и памятью на предметы, он долго путал Лену, Катю, Женю.

На фотографии его родной семьи, которую Наташа выпросила у его родителей, и по которой она стала сразу же заниматься с ним, он мог узнать отца, но не мать, не сестру, не брата. Много месяцев Наташа приучала его к фотографиям и к именам его родных.

Андрюша отвергал картинки. Было лишь несколько эпизодов, выпавших из этого правила. Любую книгу он перелистывал охотно и быстро, но не разглядывал никаких картинок. Удовольствие доставлял процесс бездумного листания. Но едва его внимание привлекали к какой-то картинке, он стремился поспешно листать дальше. Показывая на пустое место или на текст, он говорил: «Ничего нет!». Если мы его возвращали к картинке, он силой пытался ее закрыть, отталкивал руку, в случае неудачи с визгом убежал от книги.

Возможно, в этом было не только неумение, но и нежелание видеть и узнавать изображение, покидать привычное состояние рассредоточенности и «собирать себя» на чем-то. В привычном состоянии не было места для концентрации внимания. Чтобы Андрюшу чему-либо научить, хотя бы застегивать пуговицу, надо было каждый раз предоложать в нем «отсутствие присутствия». Этим «нежеланием узнавать» изображение (а не неумением) можно объяснить, почему в некоторых исключительных случаях узнать изображение он все же мог. Спустя две недели его пребывания у нас, мы были свидетелями своего рода «диспута» между Андрюшей и Леной по поводу того, луна нарисована на картинке или солнце. «Луна», – говорил один, «солнце», – говорила другая. В конце концов Лена переспорила. «Солнце», – согласился Андрюша. «Правильно, солнце», – подтвердила Лена. Но это – исключительный случай и в отношении картинок, и в отношении общения. Нормой было категорическое отвержение рисунков, так же как и категорическое необщение.

Пассивность – одна из доминант, определяющая облик Андрюши. В некотором смысле, Андрюша был «удобный» ребенок, он никогда и ничего (кроме еды) не требовал от взрослого. Он застывал над любым занятием на долгие часы, не выказывая никакого неудовольствия.

Если его утром не поднять – он остался бы в кровати хоть до вечера. Также часами он мог сидеть на горшке или с одной надетой штаниной (это когда уже он научился надевать штаны). Где бы его ни оставили, он почти тот час находил какое-нибудь расслабленное положение, приваливался куда-то и созерцал – стену, потолок, что-то еще.

Отсутствие цели, непонимание ситуаций и пассивность – взаимосвязаны и взаимобусловлены, образуют замкнутый круг. Что первично, не берусь сказать. Сюда же относится отсутствие поисковой активности. Это представляет собой род пассивности и, одновременно, род страхов: страх жизни, боязнь узнавать, что находится на краю и за краем.

Бытовые навыки. О них говорить трудно, потому что это – почти сплошные «не». Андрюша не умел одеваться – ни штанов, ни ботинок, ни рубашки. Умел есть ложкой, держа ее в кулаке. Но если за ним не очень следили, то охотно лакал из миски лицом. Не умел рисовать. Не умел гулять, в том смысле, что не умел играть на улице. За несколько месяцев до его появления у нас его научили днем проситься на горшок. И это почти все...

Описанные черты и в совокупности не дают общего представления о ребенке. Он живой человек, цельная личность при всех болезненных аномалиях и дроблениях и не сводится к перечислению свойств, тем более отрицательных. Он мог раздражать, но его можно было и любить...